

The background of the cover is a deep blue, almost black, space filled with numerous bright blue light streaks. These streaks originate from a central point at the bottom and radiate outwards, creating a strong sense of perspective and depth, similar to a tunnel or a high-speed light trail. The streaks vary in thickness and intensity, with some appearing as thin lines and others as thick, glowing bands. Small, bright blue particles or dots are scattered throughout the scene, particularly along the light streaks, adding to the dynamic and futuristic feel of the image.

Уравнение притяжения

Ольга Зиль

Ольга Николаевна Зиль

Уравнение притяжения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73476968

SelfPub; 2026

Аннотация

Человечество веками живет в Городе-на-Вертикали – колоссальной сверхструктуре, возведенной вокруг аномального Стержня. Здесь нет горизонта, нет неба, а социальный статус измеряется номером яруса. В этом мире архитектура пластична: она строится из коллективных страхов и подавленных желаний обитателей, а за «психическим равновесием» следят безликие Инспекторы.

Техник Максим и архивист Елена обнаруживают, что их близость создает аномалию, способную обрушить всю систему. Теперь они – главная цель Инспекции, ведь их любовь – это вирус, возвращающий миру запретную Горизонталь. Чтобы спастись и обрести свободу, им придется совершить невозможное: спуститься к основанию Стержня и доказать Вселенной, что человек – это не функция в системе, а сила, способная разомкнуть вертикаль.

Это роман о мужестве сомневаться, об ответственности за прозрение и о том, что настоящая любовь – это не тихая гавань, а созидание свободы.

Содержание

Глоссарий терминов	4
Глава 1. Закон сохранения тоски	6
Глава 2. Пыль забытых истин	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Ольга Зиль

Уравнение притяжения

Глоссарий терминов

Гвоздь (Город-на-Вертикали): Многокилометровая мегаструктура-башня, среда обитания человечества. «Гвоздь» – это замкнутая экосистема и одновременно психическая ловушка. Архитектура Гвоздя поддерживается коллективной уверенностью жителей в отсутствии альтернативы.

Стержень: Центральная энергетическая ось Города-на-Вертикали. Живой реактор, который питается человеческими эмоциями, преобразуя их в электричество и материю. Стержень обладает примитивным «разумом» и реагирует на сильные чувства (любовь, бунт) локальными деформациями пространства («пузырением» стен, изменением гравитации).

Вертикаль: Социальный лифт: чем выше ярус, тем больше света и ресурсов.

Психосоматическая архитектура: Стены Города пластичны. Если в секторе растет уровень тревоги, коридоры сужаются, потолки опускаются.

Горизонталь: Забытое состояние мира и философия существования. Мир без иерархии «верх-низ», характеризую-

щийся открытым пространством, бесконечным горизонтом и отсутствием внешнего контроля. Официальная доктрина гласит, что снаружи – смертельный хаос. Само понятие «горизонталь» считается психическим отклонением.

Инспекторы (Серые математики): Элита Города, лишенная эмоционального спектра. Их задача – выявлять «психологические протечки» и подавлять индивидуальность, которая может вызвать дестабилизацию Стержня.

Железный Лес: Биомеханическая зона у основания Стержня, где металл срастается с органикой. Место, где реальность наиболее нестабильна и материализует подсознательные страхи входящего.

Глава 1. Закон сохранения тоски

Утро в Городе-на-Вертикали всегда начиналось одинаково: с тяжелого, басовитого вздоха Стержня, от которого в зубах появлялся кислый металлический привкус. Максим проснулся за пять минут до включения общего освещения. Он лежал на узкой казенной койке, глядя в потолок, где по серому бетону медленно ползла капля конденсата. Она была жирной, тяжелой и, казалось, размышляла – сорваться ей сейчас или подождать, пока он окончательно придет в себя.

– Твою мать, – негромко сказал Максим, обращаясь к капле.

Капля сорвалась и шлепнула его точно в переносицу. Это было плохое предзнаменование. В Городе, где психология была фундаментом физики, такие мелочи никогда не были случайными.

Он поднялся, нащупал на полу заношенные тапочки из прессованного каучука и побрел к «кухонному углу». Кухня представляла собой нишу в стене, где из стены торчал кран с технической водой и стояла одноконфорочная плитка «Энергия-4», собиравшая на себя все окрестные радиопомехи.

Максим наполнил старый жестяной чайник. Вода текла неохотно, пузырясь и отдавая хлором. Пока она закипала, он подошел к окну. Окно – если можно так назвать узкую щель,

затянутую мутным армированным пластиком – выходило на внутренний колодец сорок восьмого яруса. Прямо напротив, метрах в десяти, висела огромная неоновая вывеска Департамента Распределения, которая уже полгода подмигивала, пропуская букву «П». «Департамент Рас...еделения».

– Распределения чего? – проворчал Максим, высыпая в кружку суррогатный кофе. – Тоски? Желчи? Или того странного чувства в груди, которое местные умники называют «экзистенциальным шумом»?

Он чиркнул спичкой. Огонек осветил его руки – руки рабочего человека, с вьёвшейся в поры машинной смазкой и мелкими шрамами от сорвавшихся ключей. Максиму было тридцать два, но в зеркале, висевшем над раковиной, на него смотрел человек без возраста. Глаза – серые, как местное небо, и рот, привыкший плотно сжиматься, чтобы не ляпнуть лишнего при Инспекторах.

Завтрак был коротким: сухарь из пищевого концентрата и кружка обжигающего пойла. После этого наступало самое сложное – выход в Город.

Архитектура идущего вниз

Выйдя из жилого блока, Максим сразу попал в поток. Люди в синих и серых комбинезонах двигались по галереям бесшумно, словно тени. Здесь не было принято здороваться. В Городе-на-Вертикали каждый был замкнутой системой. Архитектура яруса давила: низкие потолки, бесконечные ряды одинаковых дверей, и вездесущие трубы, которые потели,

свистели и содрогались.

Максим направился к техническому лифту. Ему нужно было спуститься на сороковой – там, по докладам ночной смены, «запузырилась» стена в районе главного кабельного коллектора. «Пузыри» были предвестниками деформации реальности: когда коллективное подсознание жителей сектора переполнялось страхом, бетон начинал вести себя как жидкость.

У лифта стоял Ваню – старый наладчик, который помнил еще те времена, когда Стержень не гудел так надрывно. Ваню курил самокрутку, пуская дым в вентиляционную решетку.

– Здорово, Макс, – буркнул он, не оборачиваясь. – Слышал новости? На тридцать втором ночью у мужика материализовалась покойная теща. Прямо в кладовке.

Максим поморщился.

– Опять байки, Ваню. Обычный спонтанный галлюциноз на фоне нехватки озона.

– Галлюциноз, говоришь? – Ваню наконец повернулся, и Максим увидел, что глаза старика расширены от скрытого ужаса. – А почему тогда эта теща съела весь его запас концентрата и до смерти напугала дежурного патрульного? Патрульный теперь в «желтом доме» на сотом ярусе, пускает пузыри и рисует на стенах треугольники.

– Треугольники – это к дождю, – отшутился Максим, хотя на душе стало мутно.

Лифт пришел скрежеща и подпрыгивая. Внутри пахло мокрой псиной и горелой изоляцией. Пока они спускались, Максим смотрел на индикатор ярусов. Сорок восьмой... сорок пятый... сорок второй... На каждом уровне архитектура слегка менялась. Чем ниже, тем больше в бетоне было металлических вставок, тем грубее были швы, тем явственнее ощущалось присутствие Стержня.

Встреча у Архива

На сороковом ярусе Максим вышел один. Здесь было тихо, только где-то вдалеке капала вода. Он прошел по узкому мостику над технологическим рвом и вдруг остановился.

У дверей Архива Мертвых Знаний стояла Елена.

В этом месте, среди ржавчины и лязга, она смотрелась как нечто инородное, как цветок, случайно проросший сквозь асфальт взлетной полосы. На ней был тонкий серый плащ, который она придерживала у горла узкой ладонью. Ветер из вентиляционной шахты шевелил её волосы – каштановые, с легким медным отливом, который невозможно было объяснить местным освещением.

– Максим, – она сделала шаг навстречу.

Он почувствовал, как сердце предательски екнуло. Их отношения были игрой на минном поле. Каждый взгляд, каждое слово могло вызвать резонанс, который регистрируют датчики в Департаменте.

– Лена, тебе нельзя здесь находиться. Здесь зона технических работ, – он постарался, чтобы его голос звучал сухо.

– Мне нужно было увидеть тебя до того, как ты уйдешь вниз, – она подошла вплотную. От нее пахло старой бумагой и чем-то еще – чистым и прохладным, чего в Городе не существовало. – В Архиве сегодня странно. Микрофиши с данными до 21 века начали самопроизвольно стираться. Вместо текста там теперь... молитвы, Макс. Или что-то очень похожее на них.

Максим нахмурился.

– Физическое разрушение носителя?

– Нет. Перекодировка. Город переписывает историю. Он стирает память о том, что мир когда-то был горизонтальным. Если мы не найдем способ зафиксировать правду, через неделю мы сами забудем, что такое лес или океан. Мы будем думать, что Стержень был всегда.

Она протянула ему руку, и он на мгновение накрыл её ладонь своей. Контакт был коротким, но в этот момент лампы над их головами вспыхнули нестерпимым белым светом, а потом разом погасли.

– Видишь? – прошептала она в темноте. – Мы для него – как короткое замыкание. Наша любовь нарушает его логику.

Максим молчал. Он чувствовал тепло её кожи и понимал, что она права. В этом мире, построенном на жесткой иерархии и подавлении эмоций, их притяжение было сродни атомному взрыву в замедленной съемке.

– Иди домой, Лена, – наконец сказал он, отпуская её руку. – Я зайду вечером. И... не читай больше те микрофиши.

Они кусаются.

Она печально улыбнулась – он почувствовал эту улыбку даже в темноте – и зашагала прочь, постукивая каблуками по металлическому настилу. Максим стоял и слушал этот звук, пока он не слился с общим гулом Города. В его кармане лежала старая зажигалка, и сейчас она казалась ему тяжелой, как слиток золота.

Он еще не знал, что этот день станет последним днем их «нормальной» жизни, и что внизу, на сороковом ярусе, его ждет не просто «пузырящаяся» стена, а нечто, пришедшее из самых глубин его собственного подсознания.

Инцидент на сороковом

Максим проводил Елену взглядом, пока её силуэт не растворился в сером мареве коридора. Тяжесть в груди не исчезла – она просто сменила форму, превратившись из острого беспокойства в тупую, привычную тревогу. Он развернулся к гермозатвору технического шлюза.

На сороковом ярусе воздух был другим. Здесь он стоял неподвижно, пропитанный запахом разогретого трансформаторного масла и старой, десятилетиями не выветривавшейся пыли. Лампы в защитных решетках горели в полнакала, отчего тени от трубопроводов казались щупальцами гигантского спрута, обхватившего костяк Города.

– Максим Андреич? – из темноты вынырнул дежурный обходчик, молодой парень по фамилии Сиротин. Лицо у него было серое, а глаза бегали. – Слава богу. Мы уж дума-

ли, вы на пересменке застряли. Там... в секторе «В», стена потекла.

– Как это – потекла? – Максим на ходу расстегивал сумку с инструментами. – Бетон марки «Арктика» не течет, Сиротин. Он может треснуть, может просесть, но течь...

– Сами посмотрите, – парень втянул голову в плечи.

Они прошли через узкий лаз в стене и оказались в коллекторе номер двенадцать. Это было длинное, гулкое помещение, заставленное шкафами релейной защиты. В самом конце, у стыка с несущей колонной Стержня, бетонная стена действительно вела себя странно.

Поверхность, которая должна была быть твердой и холодной, шевелилась. Тяжелые серые волны медленно перекачивались под слоем штукатурки. Казалось, за стеной дышит что-то огромное, и это дыхание выгибает камень, превращая его в пластилин. Но самым жутким был звук. Стена шептала. Это не был человеческий голос, скорее шелест сухой листвы, в котором Максиму вдруг почудилось собственное имя.

– Психофизический резонанс четвертой степени, – констатировал Максим, чувствуя, как на затылке зашевелились волосы. – Сиротин, быстро за демпферами. И тащи искрогаситель. Живо!

Парень дунул в коридор так, что только подошвы сверкнули.

Максим остался один. Он подошел к «текущей» стене на расстояние вытянутой руки. Его профессиональный мозг ли-

хорадожно выстраивал алгоритмы: «Если амплитуда колебаний превысит критическую, произойдет разрыв пространственной ткани. Сектор схлопнется». Но человеческая часть его души, та самая, что час назад держала Елену за руку, чувствовала другое.

Он протянул руку и коснулся шевелящегося бетона.

Стена была теплой. Даже горячей. И она была мягкой, как человеческая плоть. В месте касания по бетону пробежала судорога, и шепот усилился.

«...не отпускай... страшно... темно...» – донеслось из глубин камня.

– Кто здесь? – хрипло спросил Максим.

Вместо ответа стена вдруг выпятилась навстречу его ладони, сформировав нечто, напоминающее очертания человеческого лица. На мгновение из бетона проступили закрытые глаза и плотно сжатые губы. Лицо было знакомым. Это было лицо Елены, только искаженное невыносимой мукой.

Максим отпрянул, сбив ногой ящик с ключами. Грохот железа о металл настила на мгновение привел его в чувство.

– Иллюзия, – пробормотал он, вытирая пот со лба. – Чистая психосоматика. Стержень считывает мои мысли и проецирует их на дефект конструкции. Спокойно, Макс. Ты – техник. Ты – наладчик. Ты – логическая единица.

Он выхватил из сумки ультразвуковой стабилизатор и прижал его к стене. Прибор взвизгнул, индикатор на его панели вспыхнул тревожным красным. Максим вдавил кноп-

ку, посылая в бетон высокочастотный импульс, призванный «успокоить» молекулярную структуру.

Стена задрожала, лицо Елены расплылось, превращаясь в бесформенный бугор, и постепенно вибрация начала стихать. Бетон твердел прямо на глазах, возвращая себе привычную серую неподвижность.

– Вот так... вот и хорошо... – Максим тяжело дышал, не отрывая прибора от стены.

Когда вернулся Сиротин с демпферами, всё уже было кончено. На стене остался лишь едва заметный след, похожий на отпечаток ладони.

– Успокоил? – Сиротин с опаской посмотрел на застывший камень.

– Успокоил, – Максим убрал стабилизатор. – Пиши в журнале: «Локальное разуплотнение из-за усталости материала». И забудь про шепот, понял? Если Инспекторы спросят – был свист из вентиляции.

– Понял, Максим Андреич. Не дурак.

Разговор в курилке: Психология выживания

Смена тянулась бесконечно. После инцидента в двенадцатом коллекторе Максим чувствовал себя так, будто из него вынули хребет и вставили вместо него стальную проволоку – жесткую, но ломкую.

В обеденный перерыв он зашел в «Курилку 40» – небольшую нишу, где за столом, покрытым слоем несмываемого жира, сидел Петрович, старый инженер из Департамента Мо-

ниторинга. Петрович был легендой Города: говорили, что он лично видел Стержень еще до того, как вокруг него построили первый ярус.

– Хреново выглядишь, Макс, – Петрович не спеша разливал из термоса мутный чай. – Опять «призраки в машине»?

Максим сел напротив и закурил свою «Герцеговину».

– Стена в двенадцатом. Она приняла форму человека, Петрович. Прямо на моих глазах. Это что, новая стадия деградации поля?

Старик долго смотрел на плавающее в чашке чайнику.

– Это не поле деградирует, сынок. Это мы прорастаем в Город. Понимаешь, какая штука... Психология – вещь материальная, особенно когда над тобой десять километров бетона, а под тобой – чистая энергия хаоса. Город – это ведь не просто стройка. Это наш коллективный сон. И если тебе снится женщина, Город начинает строить её из того, что у него есть под рукой. Из арматуры, из бетона, из твоих собственных страхов.

– Это опасно? – Максим пристально посмотрел на инженера.

– Опасно? – Петрович грустно усмехнулся. – Это фатально, Макс. Знаешь, почему Инспекторы так боятся любви? Потому что любовь – это самая сильная фокусировка сознания. Когда двое людей начинают думать друг о друге сильнее, чем о выживании Города, они создают в Стержне «точ-

ку невозврата». Если ваша связь станет достаточно прочной, вы прошьете Город насквозь. Как пуля – бумажный лист.

– И что будет?

– А черт его знает, – старик допил чай и встал. – Либо Город развалится к чертям, либо мы все проснемся в другом месте. Но Инспекторы предпочитают спать здесь. Тут у них пайки, чины и иллюзия власти. Так что будь осторожен с Еленой, парень. За вами уже смотрят. И смотрят не в бинокли, а прямо в души.

Максим остался сидеть в пустой курилке. Слова Петровича ложились на душу тяжелым грузом. Он вспомнил лицо Елены в бетоне. Оно не просто выглядело как она – оно чувствовало как она.

«Значит, мы уже начали, – подумал он. – Мы уже проживаем этот мир».

Глава 2. Пыль забытых истин

Путь домой с сорокового яруса всегда казался Максиму восхождением на Голгофу, только вместо креста он тащил на плече сумку с инструментом и пудовую тяжесть в голове. Лифт натужно выл, проходя через технические этажи, где за решетками мелькали бесконечные сплетения труб, похожие на кишечник гигантского стального левиафана.

На сорок восьмом, в его родном секторе, пахло жареной луковицей и дезинфекцией. Максим шел по коридору, стараясь не задевать плечами стены – после утреннего инцидента бетон казался ему подозрительно мягким, почти живым.

У своей двери он замер.

На грязно-зеленом металле, прямо над номером квартиры, был приклеен небольшой квадрат желтой бумаги. «Уведомление о профилактической дегазации сознания».

Максим сорвал листок и скомкал его. Это была классическая атака Инспекции. Никакой «дегазации» не существовало в техническом регламенте, но само слово заставляло обывателя чувствовать себя грязным, зачумленным, нуждающимся в очистке. Инспекторы работали не с телом, а с чувством вины.

– Подавитесь, – прошептал он, вставляя ключ в скважину.

В квартире было пусто и тихо. Максим бросил сумку на пол, не раздеваясь, прошел к столу и выпил стакан воды пря-

мо из-под крана. Вода отдавала ржавчиной, но она была холодной, и это возвращало его в реальность. Он посмотрел на часы: девятнадцать-тридцать. Время идти в Архив.

Архитектура тишины

Архив Мертвых Знаний располагался в «мертвой зоне» сорок восьмого яруса – там, где из-за конструктивной ошибки строителей образовался гигантский кавернозный зал. Потолки здесь уходили вверх на тридцать метров, теряясь в густой тени. Свет здесь экономили: горели лишь редкие аварийные лампы, выхватывая из темноты бесконечные стеллажи, забитые рулонами микрофильмов, магнитными лентами и – самое ценное – настоящими бумажными книгами.

Елена сидела за столом в самом дальнем углу, под конусом света от старой настольной лампы. Перед ней лежали горы папок. В этом огромном, холодном пространстве она казалась крошечной и беззащитной.

– Ты пришел, – она не подняла головы, но её голос дрогнул. – Я знала, что ты придешь. Стержень сегодня... кричал. Ты слышал?

– Я слышал шепот, Лена. В стене на сороковом, – Максим сел на край стола, глядя на её бледное лицо. – Он принял твою форму. Это было... неприятно.

Елена наконец подняла глаза. В её зрачках отражался свет лампы, делая их похожими на два золотистых колодца.

– Это не он принял форму, Макс. Это я была там. Психология Города такова, что наши мысли больше не принадле-

жат нам. Когда я думала о тебе утром, часть меня просто... просочилась сквозь перекрытия. Мы истончаемся. Скоро от нас останутся только тени на бетоне.

Она придвинула к нему тяжелый планшет с микрофишами.

– Посмотри на это. Я нашла это в спецхране. Код доступа «Ноль-Зеро».

Максим наклонился к экрану. На мутном снимке, сделанном, судя по зернистости, больше ста лет назад, было изображено нечто невысказанное.

Это была дорога. Прямая, как стрела, она уходила за горизонт. По бокам не было стен. Не было потолка. Было небо – огромное, пустое, пронзительно-светлое. И на этой дороге стояла машина с открытым верхом. В ней сидели мужчина и женщина. Они смеялись.

– Где это? – Максим почувствовал, как у него перехватило дыхание. – Какой это ярус?

– Это не ярус, Макс, – Елена коснулась экрана кончиками пальцев. – Это «Горизонталь». Мир без Стержня. Понимаешь? Они не жили вверх или вниз. Они жили вдоль. Вдоль земли, вдоль моря, вдоль ветра.

– Но это невозможно, – Максим выпрямился, чувствуя, как внутри него рушится привычная картина мира. – Город – это всё, что есть. Снаружи – пустота и ядовитый туман. Так нас учили в Школе Наладчиков.

– Нас учили тому, что выгодно Городу, – Елена встала и

начала взволнованно ходить вокруг стола. – Посмотри на архитектуру этой машины. В ней нет ни грамма бетона. Она сделана из легкого металла и кожи. Она предназначена для движения, а не для статики. Максим, Город – это не спасение. Это застывшая мысль о страхе. Когда-то люди испугались чего-то великого и построили эту вертикальную нору, чтобы спрятаться. А Стержень... Стержень – это просто гигантский генератор этого страха.

«Горизонталь»

Максим смотрел на фотографию и чувствовал, как в нем просыпается нечто опасное. Это было не просто любопытство. Это была жажда пространства. Разум человека, рожденного в колодеце, протестовал против открытого неба, но сердце... сердце требовало именно этого.

– Если Инспекторы узнают, что ты это видела... – начал он.

– Они уже знают, – перебила она. – Сегодня в Архиве был человек в сером плаще. Он не смотрел документы. Он просто стоял и слушал, как я дышу. Он сказал: «Вы ищете то, чего не существует, Елена. Пустота не имеет направления».

Максим вспомнил желтый листок на своей двери.

– Они боятся, Лена. Они боятся не того, что мы узнаем правду. Они боятся, что мы в неё поверим. Потому что если мы поверим в Горизонталь, Стержень потеряет над нами власть. Он питается нашей уверенностью в том, что выхода нет.

Он подошел к ней и взял её за плечи. В огромном зале Архива их тени, отбрасываемые единственной лампой, казались титанами.

– Мы должны уйти вниз, – твердо сказал он. – К Основанию. Там, где Стержень входит в землю. Если Горизонталь существует, то выход – там. Под фундаментом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.